

К 26.89

П-74

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ИЗ ЗАМЕТКИ ЧЕРЕЗ ХАМИ

В

ТИБЕТ

ГЕОГРАФИЗ

1948

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

ИЗЪ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗЪ ХАМИ

ТИБЕТЪ

НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РѢКИ

Н. М. Пржевальскаго.

съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политическими въ текстъ.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Высочайше дарованныя средства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.

1883.

ПЕРЕВОДЪ БЕЗЪ СОГЛАСІЯ АВТОРА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ИЗ ЗАМСКАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ

В

ТИБЕТ

И

НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1948

Под редакцией и со вступительной статьей
Э. М. МУРЗАЕВА

Н. М. Пржевальский

ПЕРВОЕ ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

1879—1880 гг. Н. М. Пржевальский совершил третье центральноазиатское путешествие, которое он назвал первым тибетским путешествием¹.

Это путешествие было организовано Пржевальским вскоре после возвращения из Лобнорской экспедиции, когда уставший и измученный болезнью наш путешественник прерывает свои работы и по вызову из Петербурга уезжает туда лечиться и набираться новых сил. Но недолго продолжается этот перерыв. С фанатической страстью рвется Пржевальский в новое путешествие: Тибет попрежнему не исследован, неизвестность манит, высокая заветная страна влечет путешественника. Расставаясь с Зайсаном и уезжая больным в Петербург, Пржевальский записывает в своем дневнике:

«Хотя остановка экспедиции совершилась не по моей вине и притом я сознаю, что это самое лучшее при настоящем состоянии моего здоровья, — все-таки мне крайне тяжело и грустно воротиться назад. Целый день вчера я был сам не свой и много раз плакал. Даже возвращение в Отрадное меня мало радует...».

В конце дневника лаконичная, но выразительная подпись, отмеченная 31 марта 1878 г.: «Перерыв, но не конец дневника». И действительно, через год—21 марта 1879 г.—из того же Зайсанского поста, направляясь в Центральную Азию, вновь выходит экспедиция Пржевальского. Длинной цепочкой протянулся караван, состоящий из 35 верблюдов и 5 верховых лошадей. Мерная поступь, неторопливый ход, изредка слышится недовольный рев верблюда, и опять тишина и безмолвие.

«Итак, мне опять пришлось идти в глубь Азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизованной жизни. Но кочевник свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот, она его кормилица и защитница».

Туда, в пустыни и высокие, холодные, неприветливые горы Центральной Азии, всегда тянет Пржевальского, этого ученого—рыцаря путешествий. Нет места беспокойному и мятущемуся путешественнику в большом

¹ Такое название не совсем правильно, так как в первом своем «монгольском» путешествии он, в сущности, также был в Тибете.

городе, с его академиями, музеями, приемами и театрами, церемониями и условностями. Как истый отшельник, он тоскует, когда остались позади пустыни и окончен опасный путь, а следующая экспедиция будет только через два-три долгих и скучных года.

Эта книга заканчивается рассказом о заманчивости страннической жизни.

«Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе... Притом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.

Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь».

Трудно представить себе Пржевальского вне его путешествий, вне его научных работ в Центральной Азии; ведь для него время между экспедициями было только необходимым перерывом, который нужно было использовать для обработки привезенного научного материала, для написания полного отчета, для составления и утверждения нового плана работ опять в Центральной Азии.

Все путешествия Пржевальского — подвиг! Удивительный подвиг, вернее, целая цепь подвигов, совершенных русским человеком, величие которого подчеркивается тем, что для него они явились обычной работой на благо своего народа, принесшего за это Пржевальскому глубокую благодарность. Не случаен приказ Пржевальского по поводу окончания четвертого путешествия, приказ, обращенный к своим верным спутникам: «Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили».

Третье путешествие в Центральную Азию Пржевальского является одним из самых интересных и плодотворных, богатых научными результатами. Маршрут этой экспедиции охватил Джунгарию, Восточный Тянь-шань, Нань-шань, Тибет, Куку-нор и верховья Желтой реки (страна Амдо), Ала-шань, Монголию.

К главнейшим научным результатам третьего путешествия следует отнести:

1. Съемку на карту более 8 тысяч км пути по новым, неизвестным и не посещенным ранее районам. Съемка эта опиралась на определяемые Пржевальским астрономические и гипсометрические пункты.

2. В течение всего времени путешествия ежедневно, трижды в день, проводились метеорологические наблюдения, давшие ценнейший материал для суждения о климате Центральной Азии. Именно на основании этих

исследований Пржевальский ставит вопрос о границах воздействия индийских муссонов в Восточном Тибете, об образовании сильных и тяжелых центральноазиатских бурь, их геологической деятельности.

3. Был открыт ряд новых горных хребтов в Северном Тибете; они получили названия, данные им Пржевальским; пройден тибетский хребет Танла [Тангла] и найден путь к Лхасе, к которой путешественник ближе всего приблизился именно в этой экспедиции.

4. Плодотворны были сборы растений и животных, которые явились собранием ряда уникальных, не известных до этого науке видов. Одним из таких видов является дикая лошадь—джунгарский скакун,—получивший название лошади Пржевальского. Помимо флористического и фаунистического материала, неменьшую ценность для науки представляют записки о перелете птиц, о жизни животных в условиях Центральной Азии и Тибета, по экологии растений.

5. Этнографические исследования, к которым часто и охотно обращается путешественник, подробно, хотя и не всегда объективно, описывая народы, встречающиеся по маршрутам. В этом отношении интересны характеристики тибетцев, тангутов (северных тибетцев), китайского населения оазисов Нань-шаня, китайской администрации и т. д.

6. Большое значение этой экспедиции состоит еще в том, что Пржевальский своей «научной рекогносцировкой» в Тибете показал сюда пути для последующих русских путешественников по Центральной Азии. Это прекрасно понимал и сам Пржевальский и гордился этим, что видно из следующего: «Но утешительно для меня подумать, что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые поведут в глубь Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей. Тогда, конечно, землеведение и естествознание, в своих различных отраслях, обогатятся сторицей против того, что им дали нынешние наши путешествия». Впрочем, это замечание полностью относится и к предыдущим экспедициям.

7. В третьем путешествии в Центральную Азию Пржевальский выступает уже как опытный путешественник, на себе испытавший тягости путешествий по пустыням и высоким нагорьям, выработавший свою методику комплексных научных рекогносцировок. В настоящей работе уже содержится немало рекомендаций по технике путешествий, по методам научно-исследовательской работы. На этот раз одним из помощников Пржевальского оказался В. И. Роборовский, сопровождавший Пржевальского и в четвертом путешествии по Центральной Азии, а затем работавший в Тибетской экспедиции М. В. Певцова и, наконец, возглавлявший большую экспедицию Русского Географического общества в Центральную Азию в 1893—1895 гг. Всеволод Иванович Роборовский—достоинный ученик Николая Михайловича Пржевальского, продолжавший его дело, и если бы не тяжелая болезнь¹, приковавшая навсегда Роборовского к дому, мы, без сомнения, были бы свидетелями еще многих плодотворных путешествий этого исследователя. Таким образом именно в третьем путешествии начала формироваться школа русских географов-путешественников, которую можно назвать школой Пржевальского, сделавшей так много для славы русской географической науки.

¹ Был разбит параличом 28 января 1895 г. во время экспедиции в горах Амнэ-мачин.

Помимо В. И. Роборовского, на этот раз Пржевальского сопровождал также Ф. Л. Эклон, уже ходивший вместе с ним в Лобнорское путешествие на Алтын-таг и по Джунгарии до Гучена.

Третья центральноазиатская экспедиция нелегко далась Пржевальскому и его спутникам. Не говоря уже о тяжести путешествия в пустынях Гоби и в Тибете, обстоятельства здесь осложнились в результате упорного нежелания китайских и тибетских властей допустить русских в Южный Тибет, в Лхасу, к которой всю жизнь стремился наш путешественник. Какие только хитрости и угрозы не приходилось обходить Пржевальскому, который только своей волей и решимостью, находчивостью и бесстрашием гениального исследователя смог достичь того, что ему удалось сделать, и проникнуть в Центральный Тибет, дойдя почти до хребта Ниенчин-танла.

Вот некоторые интересные для читателя факты, с которыми пришлось столкнуться Пржевальскому при следовании в Тибет.

Китайская администрация в оазисе Са-чжоу всячески старалась отговорить путешественника следовать в Тибет, ссылаясь при этом на трудности путешествия, на бескормицу в пути, на разбойничьи племена Северного Тибета, наконец на пример венгерского путешественника графа Сечени, который послушался благоразумия китайцев и повернул в сторону, по пути, указанному администрацией.

«Нам с первого же раза отказали дать проводника не только в Тибет, но даже в соседние горы, отговариваясь неимением людей, знающих путь. При этом китайцы стращали нас рассказами о разбойниках-тангутах, о непроходимых безводных местностях, о страшных холодах в горах и т. д. На все это я поставил один категорический ответ: дадут проводника — хорошо; не дадут — мы пойдем и без него...».

Самое большое препятствие, которое труднее всего было преодолеть, это тайный приказ китайцев всему населению, всем феодальным князьям, всей администрации на местах не давать проводников русским, не сообщать никаких сведений, вообще не общаться с путешественниками.

Пржевальский же был тверд в своем намерении выполнить задачи экспедиции, он шел без проводников, нередко сбиваясь с пути, отыскивая правильную дорогу и вновь ее теряя. В пустынных, редко населенных местах Северного Тибета, где тропинка часто пропадает, нелегко было ориентироваться, а неправильный вариант приводит к тупику в ущелье, к невозможности перевалить через высокие и труднодоступные горы Наньшаня или Тибета. Часто было плохо с продовольствием, с топливом, особенно с кормами для животных. Один за другим гибли верблюды от бескормицы и холодов. Голодные животные съели свои седла, набитые соломой; путешественники вынуждены были набивать седла волосами дикого яка.

Холодной, суровой зимой, уйдя в пустыни Тибета, населенные воинственными тангутскими племенами, Пржевальский надолго исчез из поля зрения китайской администрации. Подвергшись нападению тангутов, экспедиция с боем пробилась через их окружение и невредимой вышла в Центральный Тибет.

Пока шли трудные экспедиционные будни, в Пекин доносились вести об исчезновении Пржевальского, о его гибели. Слухи распространялись очень быстро, и уже скоро русская столичная печать писала о смерти путешественника. В поисках следов Пржевальского усиленно переписывался русский поверенный в делах в Пекине А. И. Кояндер с китайскими министрами. Последние ссылались на то, что Северный Тибет населен непокоренными тангутами, не признающими власти китайских чиновни-

ков, на труднопроходимые горные перевалы, занесенные снегом, и говорили, что при таких условиях гарантировать жизнь путешественников китайское правительство не может.

Ссылка на несостоятельность китайского влияния в Тибете явно имела характер дипломатического хода. В то время в Лхасе жили постоянные китайские резиденты; на их помощь напрасно надеялся Пржевальский, когда полагал, что выдача ему китайского паспорта и визы для следования в Тибет обеспечит защиту и поддержку китайских представителей при далай-ламе. Наоборот, программа китайского правительства состояла в том, чтобы всеми силами не допускать иностранцев в Тибет, ибо их проникновение сюда грозило Китаю потерей политического влияния и торговой монополии. Это легко понять, учитывая отдаленность Тибета от восточных, наиболее важных и производящих областей Китая, труднодоступность Тибета и свободолюбие его кочевых скотоводческих племен.

Давая Пржевальскому визу в Тибет, китайское правительство одновременно приняло все возможное для недопущения его в Лхасу. Сделать это было не так трудно через своих резидентов в Лхасе. Помимо лхасских представителей, Китай располагал еще целым сонмом чиновников во всех крупных населенных пунктах Тибета. Во второй столице Тибета — Шигатце — постоянно пребывал китайский амбань. В пограничных пунктах Тибета стояли китайские пикеты, строго следящие за путниками, направляющимися в Тибет. Пржевальский справедливо подозревал китайскую администрацию в лицемерии, когда они отговаривали его не ходить в Тибет, не давали ему проводников, чинили всяческие препятствия.

В своем очередном письме китайскому правительству 12 января 1880 г. А. И. Кояндер писал:

«Хотя, если судить по донесениям этих властей, в тех краях и господствует почти полная анархия, однако по сведениям, полученным из других источников, можно заключить, что картина рисуется вашими начальниками более страшная, нежели действительность, доказательством чему служит вполне безопасность проследования через эти места того же полковника Пржевальского и в 1872 году. Все эти соображения, а также известная осторожность и энергия нашего путешественника, не оставляют во мне сомнения в том, что он благополучно проследовал через пустыни Северного Тибета и достиг местностей, где начинается оседлое население и где властям почтенного государства не может представиться затруднительным оказывать ему должную защиту и покровительство» (по Н. Ф. Дубровину, Н. М. Пржевальский, СПб., 1890, стр. 322).

Впрочем, тот же Кояндер, не имея в течение полугода никаких известий от Пржевальского и от китайского правительства, сам очень сомневался в вопросе о судьбе экспедиции, и в письме в Министерство иностранных дел в Петербург он пишет: «... что ввиду пустынности проходимых мест китайские власти не могут быть ответственными за случайности. Что означают эти донесения? Простую ли предосторожность, принимаемую властями на всякий случай, или же желание подготовить меня к более тревожным и неприятным вестям, — определить трудно». Газета «Голос» призывала отправиться на поиски Пржевальского и возмущалась, что «Ливингстона искали, Пайера¹ искали, Норденшельда искали, а Пржевальского никто искать и не думает».

¹ Юлиус Пайер, путешественник—исследователь Арктики, открыл землю Франца Иосифа; его экспедиция была спасена на Новой Земле русскими зверопромышленниками.

За границей также интересовались судьбой нашего путешественника. Через графа Сечени, вернувшегося из Китая, стало известно, что с Пржевальским что-то неладно. Газеты писали, что весь конвой разбежался, что Пржевальский ограблен и так оставлен в пустынях Тибета, где ему грозила верная смерть; наконец, сообщалось, что он убит.

Между тем Пржевальский продолжал свое дело; он стойчески преодолевал трудности, поставленные ему природой и людьми, расширяя территорию своих исследований. Коллекции его росли, распухали дневники, куда путешественник ежедневно и аккуратно своим размашистым и крупным почерком вносил все виденное и замеченное. Экспедиционная жизнь текла своим чередом, впрочем, об этом гораздо интереснее и полнее расскажет сама книга.

Книга «От Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» впервые появилась в печати в 1883 г. В 1881 г. Пржевальский принялся за обработку своих полевых материалов, за писание этого труда. В обработке коллекций приняли участие виднейшие русские ученые: академики К. И. Максимович и А. А. Штраух; профессора А. А. Иностранцев, С. М. Герценштейн, К. В. Шарнгорст, а позже и А. И. Воейков. Данные этих ученых Пржевальский частично включил в настоящий том, полностью же они были опубликованы в специальных выпусках, выходявших под общим названием «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии».

В первом издании книга была иллюстрирована многочисленными рисунками с натуры, сделанными спутником Пржевальского — В. И. Роборовским. Роборовский не профессионал-художник, но его иллюстрации хорошо дополняют текст и являются также документами путешествий Пржевальского. Внимательно просматривая рисунки Роборовского, замечаешь, как хорошо удавались ему зарисовки животных, людей, этнографические картинки. Хуже, по нашему мнению, исполнены рисунки, изображающие рельеф и вообще пейзаж. Индивидуальная манера стилизации пейзажных рисунков лишила их реалистичности и в научном отношении, конечно, снизила их ценность. В настоящем издании мы оставляем часть, по нашему мнению, наиболее удачных рисунков В. И. Роборовского, которые очень оживили текст. Известно, что первые два отчета Пржевальского: «Монголия и страна тангутов» и «Из Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» в первом издании были без иллюстраций.

Книга «Из Зайсана через Хами в Тибет» в свое время была очень тепло принята в России, и уже через год после выхода ее из печати в Петербурге она появилась в переводах за границей. Замечательная манера, принятая Пржевальским в своих отчетах, — совмещать увлекательность и красочность описания путешествия со строгой научностью, сделали эту книгу интересной не только для специалистов. Ею зачитывались все и всюду. Писательский талант Пржевальского, его непосредственность и искренность сразу же располагают читателя к книге, к ее автору.

Известный русский общественный деятель М. И. Семевский (умер в 1892 г.), историк и редактор «Русской старины», поздравил Пржевальского с выходом книги и написал ему:

«От всей души благодарю Вас за наслаждение, какое доставило мне чтение Вашего «Третьего путешествия в Центральную Азию». Я только что кончил чтение этого превосходного труда и под живым впечатлением восторга написал отзыв в «Русскую старину». Изложение сжато, просто, никаких вычурностей, ни слова лишнего, а между тем — ничего сухого,

нет и тени той вялости, какую зачастую встречаешь в описаниях других путешественников. Необходимо будет сделать дешевое, популярное издание этой книги, в особенности для юношества. В заключение повторяю: я в восторге от Вашей книги. Давно, очень давно не читал ничего с таким удовольствием. Как прочел ее, и в моем воображении—вслед за Вами: от Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Крепко жму Вам руку и горжусь тем, что имел случай первым выразить, в торжественном заседании С.-Петербургской городской думы, общее желание моих сограждан—видеть Вас почетным гражданином столицы дорогого нашего отечества»¹.

Не говоря уже о большом научном материале, содержащемся в этой книге, изложение порою дается настолько мастерски—точно и в то же время в блестящей литературной форме, что чтение отдельных мест доставляет читателю большое удовлетворение.

Не могу не обратить внимания на некоторые такие разделы. Третья глава начинается с описания походной «обыденной» жизни. Это описание просится в географическую хрестоматию:

«Перенеситесь теперь, читатель, мысленно в центральноазиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки,—тогда вы будете иметь полное понятие о нашей походной жизни во все время путешествия.

Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят недалеко друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек...

В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; млечный путь отливает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падучая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...

Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр; затем разводит огонь и варит чай...» и т. д.

Прекрасно описание пустыни Ала-шань: «Тяжелое, подавляющее впечатление производит Алашанская пустыня, как и все другие, на душу путника» (глава восемнадцатая), или общая характеристика Тибета, написанная в виде пролога к главе девятой: «Грандиозна природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны...».

Можно было бы привести еще несколько примеров, но читатель сам оценит яркий талант Пржевальского, талант не только путешественника, но и писателя. Как в этом, так и в предыдущих его отчетах много интересного о научных работах, о походной жизни, о населении, о жизни растений и животных, о всех проявлениях природы. Таким образом—это своеобразная географическая энциклопедия; которая далеко не каждому путеше-

¹ Цитирую из книги Л. С. Берга «Всесоюзное Географическое общество за сто лет», М.—Л., 1946, стр. 91—92.

ствующему под силу. Но как мало в отчетах Пржевальского о самом себе, о своих настроениях, о своих привязанностях, о думах! Интимного у Пржевальского в дневниках и отчетах нет! Поэтому так скупы многочисленные биографии, написанные с упором больше на освещение путешествий, чем личности самого путешественника.

Редко-редко когда Николай Михайлович скупо скажет о себе и при этом как бы просит прощения у читателя за свою нескромность: «В заключение да позволено мне будет еще раз вернуться к своим личным впечатлениям».

В настоящем сочинении Пржевальский нередко ссылается на труды других путешественников, изучавших Центральную Азию. В тексте и подстрочных примечаниях можно встретить ссылки на М. В. Певцова, З. Л. Матусовского, Сечени, Крейтнера, а также на труды миссионеров, изучавших Восточный Китай и Тибет (Дезгодин, Одорик, Давид Арманд и др.), и на свидетельства индусов, пандитов, собравших в путешествиях по Тибету интересные географические сведения (Наин Синг, Сарат Чандра-дас и др.). Но, к сожалению, нигде Пржевальский не упоминает о замечательном путешествии русских, совершенном еще в самом начале XVIII века. Об этом путешествии мало известно, однако оно представляет большой интерес, так как наши соотечественники первыми достигли берегов Кукунора, побывали на Алтан-голе, представляющем самые верховья Желтой реки, в Синине. Причиной, побудившей русских совершить столь далекое и полное опасностей путешествие, были слухи о «песочном золоте в Эркети», т. е. Яркенде. По указанию сибирского губернатора князя Гагарина для проверки слухов и нахождения этого золота был послан тобольский дворянин Трушников, который еще в 1713 г. прошел через Восточный Туркестан в Северный Тибет, откуда направился в город Калган, вернувшись в Тобольск в 1716 г. Трехлетнее путешествие Трушникова громадным маршрутом охватило всю Центральную Азию от Сибири до Северного Тибета, от Кашгарии до Калгана (т. е. почти до берегов Тихого океана). Сведения об этом путешествии сообщены Ф. И. Миллером в статье «Известия о песочном золоте в Бухарии» в «Ежемесячных сочинениях» за 1760 г.; на них ссылается и Н. В. Кюнер в своем «Описании Тибета» (вып. 1. Владивосток, 1907, примечания, стр. 55 и сл.).

Остается сделать еще одно замечание. Выше мы говорили о лицемерии китайских администраторов, получивших соответствующие указания из Пекина не допускать русских путешественников в Лхасу. Пржевальский это хорошо понял и имел немало тому доказательств, на них он часто останавливается в этой книге. Однако справедливость требует отметить, что раздраженный путешественник не жалел резких слов даже там, где они не совсем были оправданы, награждая, например, весьма нелестными характеристиками мелких монгольских князей-феодалов, которые получили строгий и определенный приказ — не оказывать никакого содействия русским и всячески постараться выпроводить их обратно. Можно представить себе, что нарушение такого приказа ничего хорошего не сулило мелким князькам, находившимся в полной зависимости от китайских наместников.

Сошлемся на свидетельства других русских путешественников, побывавших в тех же местах, где был Пржевальский. В примечании № 123 мы привели выдержку из книги В. А. Обручева, в которой он дает характеристику монгольского князя Курлык-байсе и приводит его высказывание относительно третьей экспедиции Пржевальского. Обручев и Курлык-

бэйсе расстались друзьями, и русский путешественник уезжает в дальнейший путь, напутствуемый пожеланиями хорошего пути, угощениями и охранной грамотой, в которой предлагалось оказывать всяческое содействие нашему геологу в его путешествии.

В связи с этим свидетельством В. А. Обручева интересно отметить, что когда Пржевальский в своем первом—монгольском—путешествии—шел в сопровождении очень небольшой группы, состоящей всего из четырех человек, без специального конвойного охранения, он встречал к себе хорошее отношение со стороны мелких князей и небольших чиновников. Правда, и в первом путешествии Пржевальский не раз сетует на препятствия, которые ему чинили представители китайской администрации в городах Внутренней Монголии и Северного Тибета.

Пржевальский удивляется, почему те же люди, те же монгольские князья, с которыми он дружески расстался несколько лет назад, теперь угрюмо встречали третью экспедицию и старались поскорее отделаться от нее.

Другой путешественник, слову которого есть все основания верить, Г. Н. Потанин, пишет, что сининский амбань был с ним очень любезен и просил Потанина не ходить по разбойничьим местам, которых не боялся Пржевальский, потому что у него была охрана. Все же амбань, уступая настойчивым желанием Потанина, разрешил ему идти в избранном направлении, снабдив рекомендательными письмами и проводником.

Вот что пишет Потанин, характеризуя сининского амбаня:

«Генерал Лин был тот самый амбань, который совершенно в той же обстановке принимал за год перед нами Пржевальского; характеристика, которую сделал Пржевальский, совсем другая; не знаю, кто из нас ошибся, мы ли были одурачены и не раскусили коварства под знаком внешней любезности, или Пржевальский был вовлечен в ошибку своей излишней мнительностью и увидел там подозрительность, где ее вовсе не было. Кажется, вернее объяснить эти старания местных властей отклонять европейских путешественников от опасных пустынь боязнью за них перед пекинским начальством» («Тангутско-Тибетская окраина Тибета и Центральная Монголия», т. I, СПб., 1893, стр. 207 и сл.).

В обоих этих случаях местные власти—монгольский князь и сининский амбань—не получали специальных указаний из Пекина, которые, без сомнения, были даны относительно Пржевальского. Может быть, здесь сыграло роль то, что Пржевальский был военным, в то время как Обручев и Потанин путешествовали без всякого конвоя и без вооружения, хотя всех их объединяла лишь одна цель—научное изучение Центральной Азии. Пржевальский же, встречая препятствия на каждом шагу своего путешествия, имел основания быть мнительным и подозрительным и поэтому не всегда справедливо и резко критиковал людей, с которыми ему пришлось встречаться.

Долго помнило население Монголии и Северного Тибета экспедицию Пржевальского. Глубокое впечатление оставили у монголов и тангутов храбрость Пржевальского, его решительность, воля, способность ориентироваться; они всегда удивлялись умению Николая Михайловича метко стрелять, охотиться за диким зверем.

Г. Ц. Цыбиков указывает, что, когда во время путешествия 1899—1902 гг. он посетил реку Баян-гол в Цайдаме, то местные монголы расспрашивали и вспоминали об «иэхэ гэдэ-суту амбане» (большебрюхом генерале), под которым должно разуместь знаменитого Пржевальского, а также о многих других европейских путешественниках, собственных имен которых

не знают, но определяют по каким-нибудь отличительным признакам.

В их рассказах с примесью былей и небылиц замечается какое-то уважение к русским, сознание справедливости их требований, сознание того, что даже «уртай-амбань», т. е. «сердитый генерал» (Пржевальский) наказывал лишь за неправый поступок и щедро награждал за полезные услуги («Буддист паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг.». Русское Географическое общество, Петроград, 1918, стр. 63 и 64).

Настоящее издание нами подготовлено в соответствии с изданием 1883 г. Редактор счел возможным сделать очень небольшие сокращения из первоначального текста, там, где ему казалось это целесообразным по ряду причин, и только в тех местах, которые сейчас не представляют особого научного и литературного интереса. Такое сокращение, в общем весьма незначительное, ничего не изменило ни в конструкции, ни в содержании книги. В остальном текст оставлен без изменений. Только в ряде мест мы внесли некоторые разъясняющие названия или термины. Это касается русских названий животных и растений, географических названий, даваемых в современной транскрипции при первом упоминании, и их синонимов и т. д. Все такие вставки или сноски взяты в прямые скобки. Старые меры длины и веса, употребляемые Пржевальским, мы не переводили в современные, это очень загромождало бы текст. В конце книги даны таблицы перевода таких мер, по которым в случае необходимости легко и просто это сделать.

Все латинские названия растений и животных, упоминаемые в настоящем сочинении, подверглись ревизии в соответствии с формами, принятыми в современной систематике. В тексте всюду оставлены формы, употреблявшиеся Н. М. Пржевальским, но в конце книги приложены таблицы, в которых в алфавитном порядке указаны латинские названия растений и животных, какие были приняты во второй половине прошлого столетия, соответствующие им формы, наиболее принятые ныне, и русские названия.

Проверку зоологической номенклатуры взял на себя, как и в предыдущих книгах Пржевальского, доцент А. Г. Банников, а ботаническая номенклатура подверглась сверке старшим научным сотрудником Ботанического института Академии наук СССР—Л. Е. Родиным. Обоим им—большая благодарность за их кропотливый, но весьма полезный труд.

А. Г. Банников просил меня привести здесь следующее его замечание:

«За 60 лет со времени, когда эту книгу писал Н. М. Пржевальский, систематика животных сделала большие успехи. Ревизия многих групп показала, что число видов значительно меньше, чем представлялось систематикам раньше. Большое количество видов редуцировано или сведено до ранга подвида.

Поскольку обозначить подвиговую принадлежность всех животных, упоминаемых Н. М. Пржевальским, без специального пересмотра его коллекционных материалов не представляется возможным, постольку для однообразия в прилагаемом индексе дается только видовое название, что необходимо иметь в виду при его использовании».

Л. Е. Родин также считает целесообразным снабдить настоящее введение к книге такими словами:

«Названия растений проверены по работе В. Л. Комарова «Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию, вып. 1. Маршруты Н. М. Пржевальского». Труды Главного Ботанического сада, т. 34, вып. 1, Петроград, 1920. Названия растений от семейства

Нумерорhуllасеае до семейства Legumінозае изменены согласно «Флоре СССР», тт. I—XII. При современном более дробном понимании вида, отличном от понимания, имевшего место во времена Пржевальского, легко могли вкратсья иногда ошибочные названия, устранение которых возможно лишь при условии пересмотра заново всего гербария, собранного Н. М. Пржевальским».

В дополнение к тексту книги настоящее издание мы снабдили примечаниями и комментариями; они пронумерованы от № 1 до № 178 и соответствуют номерам в тексте.

Все примечания сгруппированы по главам, на которые разбита книга, в том же порядке, как и в издании 1883 г.

Э. МУРЗАЕВ

да спавает до рассвета, куда и привел нас
Томас забывая и седалища, тогда и
сагахаив в Срам.

19

Ванна в воде и привели в Китайскую
мыслили а приехали в Китайскую
на перелазе думали себе по
идеи в уму речей и в восточной
Там же Китайские люди не
Европейские народы. Сами же
это бедный. Приехали в
на дороге, как мы и с
сидели в селении, где у
то же. Тогда в
договорились они у
дурнее, теперь же
край нам все переменилось
ден некуда и дамы
земельства, все
включая семью свою, не
видя

Страница из дневника Н. М. Пржевальского, посвященная окончанию
третьего центральноазиатского путешествия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совершенная мною в 1879 и 1880 годах третья экспедиция в глубь Азиатского материка представляет собою, как и два первые здесь путешествия, *научную рекогносцировку Центральной Азии*. Этими подчеркнутыми словами определяется характер и содержание настоящей книги. В ней рядом с последовательным, нередко сжатым, описанием пройденных нами стран ведется рассказ о ходе экспедиции и передаются личные наши впечатления; словом, вместе с объективными описаниями вносится и элемент субъективный. Такая форма изложения казалась для меня удобнее потому, что дает возможность читателю проследить шаг за шагом все путешествие и представить себе более или менее полную картину описываемых местностей. Насколько эта цель достигнута — судить не мне. Скажу лишь, что многие пробелы как в самых описаниях, так и в исследованиях наших вообще обуславливались, с одной стороны, немалыми пробелами личной нашей подготовки, а с другой — исключительностью тех условий, в которых находилась экспедиция: не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии, не один раз приходилось, скрепя сердце, жертвовать меньшим большему и вообще исполнять то, что «возможно», а не то, что «желательно» было сделать.

Но так или иначе, а три путешествия в Центральной Азии нами совершены. Их научные результаты, перечисленные в конце настоящей книги, получили широкую, в высшей степени лестную оценку со стороны многих ученых обществ, как наших, так и иностранных. Ученые специалисты обязательно приняли на себя разработку собранных нами материалов¹, и их труды, по мере исполнения, будут появляться в свет. Те же ученые много помогли мне и при составлении настоящей книги: растения определены академиком К. И. Максимовичем; горные породы — профессором А. А. Иностранцевым; пресмыкающиеся и земноводные — академиком А. А. Штраухом; рыбы — консерватором музея Академии наук С. М. Герценштейном; наблюдения широты и барометрические вычислены полковником К. В. Шарнгорстом.

¹ Кроме птиц, которые частью описаны мною («Монголия и страна тангутов», т. 2, отд. 2), частью будут обработаны мною впоследствии.

² Н. М. Пржевальский

18
Ч.З. Усть-Каменогорская
ЦГБ

БИБЛИОТЕКА
Местного МЦМ
Уч. №

Рисунки, приложенные к книге¹, исполнены в Экспедиции заготовления государственных бумаг с оригиналов моего спутника В. И. Роборовского. Обе карты составлены из моих маршрутов². Для связи на них нанесена съемка моего Лобнорского путешествия, некоторые промежуточные местности и сведения, добытые по расспросам.

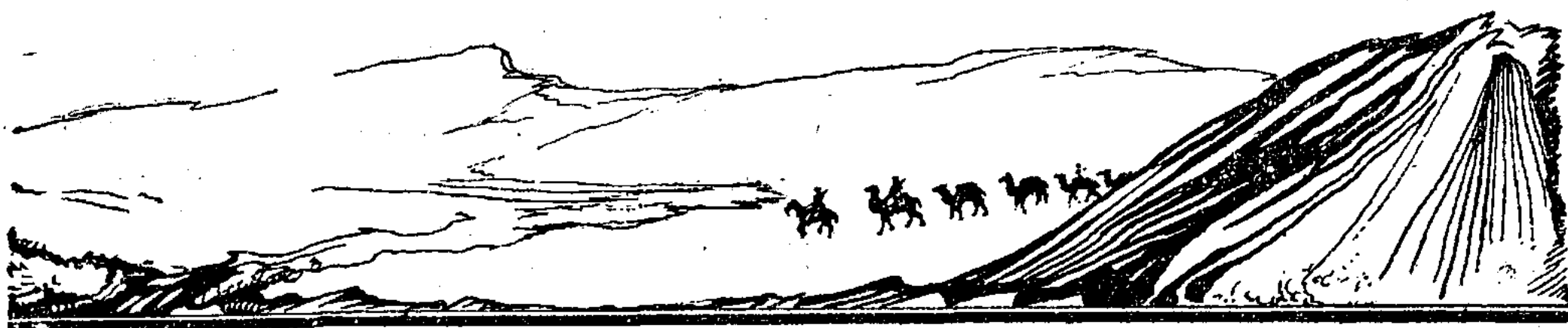
Май 1883 года, С.-Петербург.

Н. Пржевальский

¹ 1-й том моей книги «Монголия и страна тангутов», С.-Петербург, 1875 г. напечатан в русском оригинале без рисунков, но во французском переводе, изданном в Париже фирмой Hachette et Co, эта книга снабжена, помимо моего ведома, 41 рисунком, из которых одиннадцать (№№ 8, 18, 19, 20, 24, 25, 28, 32, 35, 37 и 40) не имеют ни малейшего сходства с действительностью.

² При составлении этих карт вкралась ошибка, именно: город Са-чжеу отнесен слишком на запад. Он должен быть подвинут верст на 50 к востоку и вместе с тем пропорционально подвинут к востоку же весь наш путь от колодца Ку-фи через Сыртынь и северный Цайдам до оз. Курлык-нор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАЙСАНЕ. ПУТЬ ПО ЧЖУНГАРИИ ДОЛИНОЮ Р. УРУНГУ

[21 марта/2 апреля—1/13 мая 1879 г.]

План и состав экспедиции.—Окончательное снаряжение в Зайсане: запасы продовольственные; боевые и охотничьи; для научных работ; одежда, обувь и жилище; подарки туземцам; деньги; укладка багажа; экспедиционные животные.—Важность вооружения экспедиции.—Предположенный путь.—Проводник Мирзаш.—Выступление из Зайсана.—Мысли у порога пустыни.—Первые дни путешествия.—Местность от Зайсана до оз. Улюнеура.—Описание этого озера.—Городишко Булун-тохой.—Река Урунгу.—Ее нижнее течение.—Местная флора и фауна.—Соседняя пустыня.—Среднее течение Урунгу.—Путь наш вверх по этой реке.—Зимовка бежавших киргизов.—Верхняя Урунгу.—Река Булуеун.—Охота на кабанов.—О торгоутах.

Исследованием Лоб-нора и западной Чжунгарии закончилось второе мое путешествие в Центральной Азии¹. Постигнутый болезнью как результатом чрезмерного напряжения сил, различных лишений и неблагоприятных климатических условий, я принужден был отказаться от намерения пройти из Кульджи в Тибет через Хами и в конце 1877 года возвратился из г. Гучена в наш пограничный пост Зайсанский². Здесь в течение трех месяцев, при заботливом внимании местных врачей, здоровье мое достаточно восстановилось. Тогда я выступил было вновь из Зайсана в путь, как получил телеграммою из С.-Петербурга приказание отложить на время экспедицию, ввиду обострившихся затруднений наших с китайцами по поводу владения Илийским краем⁽¹⁾.

¹ Краткий отчет об этом путешествии «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» написан мною в Кульдже, тотчас по возвращении с Лоб-нора, и помещен в «Известиях императорского Русского Географического общества», 1877 г., т. XIII, вып. V; издан также отдельной брошюрою. Описание же первого (1871—1872 и 1873 годов) путешествия в Центральной Азии сделано мною под заглавием «Монголия и страна тангутов», т. I, 1875 г. На эту книгу впоследствии я буду неоднократно здесь ссылаться, во избежание повторений. [Второе издание: 1) «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», М., 1947, 2) «Монголия и страна тангутов», М., 1946.]

² Ныне город Зайсанск [в то время Семипалатинской, а теперь Восточно-Казахстанской области].

По пословице «нет худа без добра» подобная, обязательная отсрочка путешествия явилась весьма кстати. Мне можно было ехать на родину, и здесь в продолжение лета 1878 года, в тиши деревни, окончательно отдохнуть от многообразных невзгод Лобнорского путешествия.

Между тем недоразумения с китайцами не только не улаживались, но еще более осложнялись. Казалось, им не предвиделось и конца. Ожидание «благоприятного» времени для путешествия могло отдалить это путешествие на целые годы. Да и тогда кто мог поручиться, что экспедиция наша не встретит препятствий в том или другом виде и характере? По опыту предшествовавших странствований мне было достаточно известно, что успех путешествия в таких диких странах, какова Центральная Азия, много, даже очень много, зависит от удачи, счастья, т. е. от таких условий, которые невозможно определить заранее. Необходимо рисковать, и в этом самом риске кроется значительный, пожалуй даже наибольший, шанс успеха...

Со всегдашней горячей готовностью откликнулись Географическое общество и Военное министерство на поданный мною проект о новом путешествии в глубь Азии. Целью этого путешествия намечался далекий, малоизвестный Тибет. Путем же следования было избрано направление из Зайсана через Хами, Са-чжеу и Цайдам—по местностям, которые сами по себе представляли высокий научный интерес. Срок путешествия полагался двухлетний; личный состав экспедиции определен был в 13 человек; на расходы исчислялось 29 000 рублей¹.

Ближайшими моими помощниками, принесшими неоценимые услуги делу экспедиции, были два офицера, прапорщики—Федор Леонтьевич Эклон и Всеволод Иванович Роборовский. Первый из них, еще будучи юнкером, сопровождал меня на Лоб-нор; второй теперь впервые отправлялся в Азию. Эклону поручено было препарирование млекопитающих, птиц и пр., словом заведывание зоологической коллекцией; Роборовский же рисовал и собирал гербарий. Кроме того, оба названные офицера помогали мне и в других научных работах экспедиции. В составе последней находились, кроме того, трое солдат: Никифор Егоров, Михаил Румянцев и Михай Урусов. Пять забайкальских казаков: Дондок Иринчинов—мой неизменный спутник при всех трех путешествиях в Центральной Азии, Пантелей Телешов, Петр Калмынин, Джамбал Гармаев и Семен Анносов; вольнонаемный препаратор отставной унтер-офицер Андрей Коломейцев и переводчик для тюркского и китайского языков уроженец города Кульджи Абдул Басид Юсупов, уже бывший со мною на Лоб-норе.

Таким образом вся наша экспедиция состояла из 13 человек,—как нарочно, из цифры, самой неблагоприятной в глазах суеверов. Однако последующий опыт путешествия доказал всю несправедливость нареканий, возводимых на так называемую «чортову дюжину».

Притом более обширный персонал экспедиции едва ли был бы на пользу дела. В данном случае, более чем где-либо, важно заменить количество качеством и подобрать людей, вполне годных для путешествия. Каждый лишний человек становится обузой, в особенности если он не удовлетворяет вполне всем требованиям экспедиции. В длинном же ряду этих требований далеко не на последнем месте стоят нравственные или, вернее, сердечные качества. Сварливый, злой человек будет неминуемо великим

¹ Из них 10 000 рублей золотом в номинальной цене.

несчастьем в экспедиционном отряде, где должны царить дружба и братство рядом с безусловным подчинением руководителю дела.

Затем на стороне маленькой экспедиции то великое преимущество, что нужно гораздо меньше различных запасов, равно как вьючных и верховых верблюдов, которых иногда совершенно нельзя достать; легче добыть продовольствие, топливо и воду в пустыне; легче забраться в труднодоступные местности; словом, выгоднее относительно выполнения прямых задач путешествия. При этом, конечно, обязательно откинуть всякий комфорт и довольствоваться лишь самым необходимым.

Окончательное снаряжение в Зайсане. В конце февраля 1879 года мы все собрались в посту Зайсанском, в котором оставлено было на хранение прошлогоднее снаряжение экспедиции. Теперь оно пополнилось новым привозом, так как требовалось запастись всем необходимым до последних мелочей и притом на долгий срок. Правда, мы не позволяли себе роскоши, скорее даже урезывали необходимое, но тем не менее в багаже нашем собралась куча самых разнообразных предметов, требовавших тщательной сортировки и укладки.

Запасы продовольственные. Продовольственные запасы составляли, конечно, вопрос первостепенной важности. У нас, как и в караванах туземцев, они состояли из трех главных предметов: баранов, которых гнали живьем, кирпичного чая и дзамбы, т. е. поджаренной ячменной или пшеничной муки. Мука эта, завариваемая в виде толкна горячим чаем с прибавкой соли, масла или бараньего сала, хорошо заменяет хлеб, притом долго сохраняется и весьма удобна для перевозки вьюком. Затем, где возможно, мы покупали во время путешествия рис и просо; иногда же китайскую финтязу и гуамян¹, а также пшеничную муку, из которой, обыкновенно на дневках, пекли лепешки в горячей золе. Из Зайсана было взято сверх того семь пудов сахара, окло пуда сухих пресованных овощей, по ящичку коньяка и хереса и два ведра спирта для коллекций.

Презервов мы с собой не брали, так как, во-первых, их надо было бы слишком много; во-вторых, они возбуждают сильную жажду; затем портятся при сильных жарах в пустыне (2). Не годятся здесь также водочистители. Лучшее питье при путешествии—это чай, в особенности если к нему прибавлять лимонной кислоты или клюквенного экстракта. Тем и другим можно запастись вдоволь, без излишнего обременения вьючного багажа. Табак ни я, ни офицеры не курим, так что в этом отношении не предстояло заботы.

Кухонная наша посуда состояла из большой медной чаши, где варились суп и чай, медного кстелка, двух небольших, также медных, чайников, кастрюли, сковороды, железной миски и двух железных ведер для черпания воды. Запас последней летом всегда возился в двух плоских деревянных бочонках, вмещавших в себе девять ведер.

Столовые принадлежности также гармонировали с кухонными. Каждый из нас имел деревянную чашку, в которую попеременно наливался то суп, то чай; складные ножи служили для разрезывания мяса, а пальцы рук заменяли вилки; ложки имелись вначале, но впоследствии поломались и потерялись, так что заменены были самодельными деревянными лопаточками.

¹ То и другое род вермишели, только финтязу готовится из гороховой [или картофельной] муки, а гуамян из пшеничной.

Один из казаков назначался поочередно на месяц поваром, —уменьше в расчет не принималось—тем более, что наш обед и ужин почти всегда состояли из одного и того же бараньего супа, с приложением жареной или вареной дичины, если таковую удавалось добыть на охоте. Рыба попадалась редко, как исключение. Продовольствовались мы вместе с казаками из общей чаши, одной и той же пищей. Только сахар к чаю, за невозможностью достать его в пустыне, давался казакам лишь изредка, по праздникам. На случай заболевания взята была небольшая аптека. Но так как никто из нас не знал медицины, то в дороге мы не прибегали ни к каким другим средствам, кроме хины и желудочных капель, да притом и не заболели серьезно.

Б о е в ы е и о х о т н и ч ь и. Боевое и охотничье снаряжение нашей экспедиции было вполне удовлетворительное. Каждый из нас имел винтовку Бердана за плечами и два револьвера Смита и Вессона у седла; за поясом же штык к винтовке и два небольших патронташа с двадцатью патронами в каждом. Охотничьих ружей имелось семь. К ним взято было, для стрельбы птиц в коллекцию и для охоты вообще, три пуда пороха и двенадцать пудов дроби. Для винтовок отпущено нам было шесть тысяч патронов, а для револьверов—три тысячи. Патроны возились в цинковых ящиках, нашей войсковой укладки, по 870 штук в каждом. Ящики эти, весом около двух с половиною пудов, взамен деревянной форменной обложки обшивались толстым войлоком, обвязывались веревками и в таком виде отлично сохранялись в дороге. Порох сохранялся в жестянках, уложенных в деревянный ящик. Дробь же размещалась вместе с другими вещами по кожаным сумам и служила прекрасным материалом для уравнивания вьюков.

Д л я н а у ч н ы х р а б о т. Для научных работ имелись: два хронометра, небольшой универсальный инструмент, барометр Паррота с запасными трубками и ртутью, три буссоли Шмалькальдера, несколько компасов, шесть термометров Цельсия, гипсометр и психрометр⁽³⁾. Сверх того сделаны были запасы для препарировки зверей и птиц, как-то: пинцетки, ножки, мыльняковое мыло, квасцы, гипс, несколько пудов пакли и ваты. Для сбора рыб и пресмыкающихся уложены были в особый ящик с гнездами стеклянные квадратные банки с притертыми пробками; наливались они спиртом. Впоследствии спирт можно было заменить крепкой китайской водкой. Для гербария запасено было полторы тысячи листов пропускной бумаги, которой, впрочем, нехватило на два летних сбора. Пришлось экономить перекладкою растений между листами и добавить весьма плохой бумаги китайской.

О д е ж д а, о б у в ь и ж и л и щ е. В путешествии форменного военного платья мы не носили. Тем не менее с нами везлись наши мундиры, которые иногда приходилось надевать для визитов крупным китайским властям. Казакам на тот же случай были сшиты из плиса русские костюмы. Затем во время самого пути как мы так и казаки, носили ситцевое белье, летом парусиновые блузы и панталоны; зимою же панталоны суконные или теплые из бараньего меха и полушубки. Обувью служили охотничьи сапоги. Казаки же нередко шили себе из сыромятной кожи сибирские унты, чирки и ичиги. Вообще как одежды, так и обуви изнашивалось очень много; поэтому запасы того и другого были немалые.

Постелью всем нам служили войлоки, постилавшиеся на землю; в изголовьях клались кожаные подушки. Покрывались летом байковыми одеялами; зимою теплыми одеялами из бараньего меха. Впрочем, казаки

ни подушек, ни одеял не имели; покрывались же всегда своими шубами, а изголовье устраивали из снятого на ночь верхнего платья.

Походным нашим жилищем были две парусиновые, монгольского образца, палатки — одна для нас, другая для казаков. Впоследствии, зимою в Тибете, одна из таких палаток заменена была войлочной юртой¹.

П о д а р к и т у з е м ц а м. Для подарков туземцам, без чего невозможно обойтись в Азии, закуплено было в Петербурге на 1 400 рублей: несколько охотничьих ружей, револьверов, игральных машинок, карманных часов, складных нейзильберных [мельхиоровых] зеркалец, ножей, ножниц, бритв, бус, ожерелий и гармоний; сверх того иголки, магний, сусальное золото, несколько магнитов, кусок плису, стереоскоп, калейдоскоп, две маленькие электрические батареи и, наконец, телефон. Последний, впрочем, не производил впечатления, так как требовал для своей оценки достаточно умственного развития. Зато электрическая батарея и раскрашенные карточки актрис (да простят они мне это) везде производили чарующее впечатление на туземцев Монголии и Тибета.

Д е н ь г и. Наконец, чтоб довершить перечисление нашего экспедиционного багажа, скажу, что в нем находилось еще десять пудов купленного в Семипалатинске китайского серебра в больших (около 4¹/₂ фунтов) и маленьких слитках, так называемых ямбах, и мелко нарубленных кусочках. Серебро это, принимаемое на вес, заменяет собою ценную монету на всеобщирном пространстве Китайской империи. Здесь единицей монетного веса служит, как известно, лан, ценою равняющийся, средним числом, двум нашим металлическим рублям, а по весу заключающий в себе 8,7 золотников серебра. Впрочем, вес лана бывает тройкий: казенный, рыночный и малый. Десятая часть лана называется цян, а десятая часть цяна — фын. Мелкая монета, так называемая чжосы или чохи, состоит из сплава чугуна с цинком и имеет бесконечно различные счет и курс. Средним числом таких монет, величиною с нашу прежнюю копейку, только с квадратным отверстием для нанизывания на нитки, приходится около тысячи на наш металлический рубль. В Пекине и в других больших городах существуют в обращении бумажки, выпускаемые солидными торговыми домами; только эти бумажки не принимаются вне городских стен.

У к л а д к а б а г а ж а. Как ни старались мы ограничиться в своих запасах только самым необходимым и притом в умеренном количестве, все-таки багаж наш с укупоркой весил около двухсот пудов. Распределено было все это на 46 вьюков, которыми предназначалось завьючить 23 верблюда. Сортировка вьюков и их упаковка произведены были самым тщательным образом — от этого очень много зависит как благополучное сохранение самых вещей, так и вьючных животных.

Наиболее подверженные порчи вещи размещены были в двенадцать больших и средней величины деревянных ящиков, большая часть которых, сверх того, наполнялась ватой и паклей для набивки чучел птиц, укладываемых в те же самые ящики. Две пары из них определены были под растения; еще в одной паре, всегда вносившейся в нашу палатку или юрту, сохранялись дневники, инструменты, походная аптека и такие вещи, которые необходимо было всегда иметь под рукой.

Кожаные сумы, числом восемь, вмещали в себе белье, платье, обувь, дробь, серебро и пр., словом, те предметы, которые не требовали тщательной

¹ Описание юрты см. в моей «Монголия и страна тангутов», т. I, стр. 34, 35 и 331 или стр. 68—69 и 269 в издании 1946 г.].